

АЛЕКСЕЙ ВОЛЫНЕЦ

ДЕРЕВЯННЫЕ ПУШКИ КИТАЯ

Что русские делали в Китае?

Русская история

Алексей Волынец

**Деревянные пушки Китая.
Что русские делали в Китае?**

«Алисторус»

2024

УДК 355/359
ББК 68

Волынец А. Н.

Деревянные пушки Китая. Что русские делали в Китае? /
А. Н. Волынец — «Алисторус», 2024 — (Русская история)

ISBN 978-5-00222-295-7

Чем «опиумные войны» англичан в Поднебесной были похожи на Крымскую войну? Почему русские без единого выстрела вернулись на потерянный Амур, и отчего за Приморье пришлось сражаться не с китайцами, а с Англией? Зачем русские гвардейцы учили маньчжурских солдат и почему китайские «казаки» Синьцзяна съели русских пленных? Как Китай влиял на постройку Транссиба и Владивостокской крепости? Зачем Россия помогла Пекину вернуть центр Азии и сколько могла стоить большая русско-китайская война? На эти и многие другие вопросы ответит книга «Деревянные пушки Китая» - о том, как военная история XIX века повлияла и до сих пор влияет на русско-китайские отношения... В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-00222-295-7

© Волынец А. Н., 2024
© Алисторус, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Николаевич Волынец
Деревянные пушки Китая.
Что русские делали в Китае?

© Волынец А.Н., 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

Глава 1

«Ежели б Амур река была в российском владении...»

Как Россия потеряла Амур на 169 лет

«На великой реке Амуре стоят драки сильные...»

После открытия русскими первопроходцами великой реки Амур до окончательного присоединения её берегов к нашей стране прошло двести лет. Что же происходило в те два столетия вокруг Амура, прежде чем он стал границей между Россией и Китаем?

Первое упоминание реки Амур в международных документах появляется 25 июня 1670 года. Именно в тот день император маньчжуров Сюаньэ подписал послание русскому царю, в котором сообщал, что «в районе Амура мелкие разбойники, твои подданные, напали на наших сборщиков соболя».

Естественно имя великой дальневосточной реки Амур в том письме звучало иначе – «Сахалынь-ула», Чёрная река, как её называли маньчжуры. Русские этот язык не знали, и гонцы из Пекина дали им копию императорского послания на монгольском языке. Уже в Москве монгольское имя «Кара-мурэн» (Чёрная река по-монгольски) перевели как Шилка – столичные чиновники из «Сибирского приказа», управлявшего далёкими восточными окраинами, ещё не очень разбирались, где начинается собственно Амур, а где его притоки...

С государственной принадлежностью Амура тоже было всё непонятно. К тому времени русские первопроходцы, именно их небольшие отряды маньчжурский император именовал «мелкими разбойниками», уже почти четверть века собирали на берегах реки меховую дань и строили укреплённые остроги. Первый официальный представитель власти приехал из Москвы на берега Амура ещё в 1653 году, чиновники русского царя планировали основать на этих землях новое воеводство.

Но за то время, пока первые русские люди осваивали Приамурье, южнее возникла огромная империя. В июне 1644 года, когда отряд первопроходцев Василия Пояркова впервые вышел на берега Амура, в полутора тысячах вёрст к югу армия маньчжурских племён захватила Пекин. За следующие десятилетия маньчжуры покорили почти весь Китай, основав свою империю Цин. И когда в 1670 году император Сюаньэ отправлял письмо московскому царю с первым упоминанием Амура, на берегах этой реки находилось не более тысячи русских, всё население России не превышало 14 миллионов человек, тогда как в новой китайской империи насчитывалось почти 100 миллионов подданных.

Ранее китайцы, хотя и бывали на берегах Амура, но почти не интересовались этими северными для них землями. Маньчжуры же считали «Чёрную реку» своей сферой влияния, так как здесь, среди не знавших государственности малочисленных племён, издавна проживали и их дальние родственники – народности джучеров и орочёнов. Русские называли их «тунгусами». Сами маньчжуры, впервые столкнувшись с русскими первопроходцами, изначально тоже посчитали пришельцев «неизвестным сибирским племенем».

В итоге берега Амура стала спорной территорией между русским царством и маньчжурской империей Цин. Первое вооруженное столкновение произошло уже в 1652 году, когда казаки Ерофея Хабарова разгромили атаковавший их маньчжурский отряд, в три раза превосходивший первопроходцев по численности.

Маньчжурский император Сюанье (Канси). Китайский рисунок начала XVIII века

«Здесь на великой реке Амуре стоят драки сильные с воинскими людьми, что присланы от царя богдойскова» – архивы сохранили датированное апрелем 1655 года письмо об этих событиях, отправленное в Якутск «служилым человеком» Онуфрием Степановым. «Богдойским царём» или «богдыханом» русские именовали маньчжурского императора.

В своём письме якутскому воеводе Онуфрий Степанов рассказал, как маньчжурские войска безуспешно осаждали построенный казаками Кумарский острог, расположенный на правом берегу Амура, на территории, которая сегодня является китайской провинцией Хейлунцзян: «А приехали те богдойские воинские люди со всяким огненным боем, с пушки и пищальми, и знамена у них всякой розной цвет... Из Кумарского острожку государевы служивые люди и амурские казаки выходили на вылазку, и многих богдойских людей побили и отбили у них 2 пищали железные, порох и ядра...»

Спустя три года сибирский казак Степанов, известный среди своих под прозвищем «Кузнец», погибнет в бою, когда 11 казачьих лодок столкнутся с полусотней маньчжурских боевых кораблей на Амуре, тем где в него впадает река Сунгари.

***«Русским следует вернуться в Якутск,
который и должен служить границей...»***

К концу XVII века в России реку Амур уже считали новой линией границы. Не случайно, изданный в Москве в 1678 году большой географический труд «Описание первыя части вселенной, именуемой Азия», завершается главой «Сказание о великой реке Амуре, которая разграничила русское селение с китайцы».

Однако маньчжуры, новые властители Китая думали иначе. Но они смогли вплотную заняться Амуром, только после покорения всех китайских земель, включая остров Тайвань. Спустя 14 лет после первого письма, в 1684 году из Пекина в Москву отправилось новое обращение маньчжурского императора. Фактически это был ультиматум, требовавший от России отступить с Амура аж за Байкал, к реке Лене. «Вам, русским, следует побыстрее вернуться в Якутск, который и должен служить границей» – писал император Сюанье.

К тому времени маньчжурские войска уже год вели необъявленную войну против русских. На реке Зее, в современной Амурской области, появился маньчжурский «фудутун» (генерал-губернатор) Лантань с 10-тысячным войском при 172 пушках. Воины Лантаня, среди которых были маньчжуры, китайцы, корейцы и даже два десятка голландских офицеров-наёмников, уничтожили несколько «острожков» и зимовий русских первопроходцев, а затем осадили Албазинский острог, в котором оборонялось четыре сотни казаков при всего 3 орудиях. Одновременно в Забайкалье русским острогам угрожали монголы, союзные маньчжурскому императору. При этом Российское государство на всём огромном пространстве от Байкала до Амура имело не более двух тысяч стрельцов и казаков при 21 пушке.

Казалось, ещё чуть-чуть и осуществится ультиматум императора Сюанье, грозившего «вернуть русских в Якутск». Но бои вокруг Албазина, не смотря на численное превосходство маньчжурских войск, продлились два года, ошеломив империю Цин упорством и боеспособностью русских воинов. В итоге два государства в августе 1689 года начали первые переговоры о том, где же пройдёт их общая граница.

С русской стороны вопрос о будущей границе решал приехавший из Москвы боярин Фёдор Алексеевич Головин. Русское правительство соглашалось признать за империей Цин земли к югу от Амура. Инструкция, написанная для Головина боярами и дьяками Посольского приказа, гласила: «Учинить непременно рубеж по реке Амур, давая знать, что кроме оной реки, издавна разделяющей оба государства, никакая граница не будет крепка, также чтобы подданные обеих государств с одной стороны в другую за реку Амур не переходили...»

Но маньчжурские послы требовали куда большего – в Пекине хотели, чтобы граница прошла по реке Селенге и озеру Байкал. Император Сюань всё ещё хотел отодвинуть русских далеко на северо-запад, «вернуть в Якутск». Маньчжуры никогда не владели землями у Байкала, но, как пересказывал их доводы в докладах московскому начальству посол Головин, логика требований из Пекина была простой – «что все те земли от Байкала-моря были владения хана монгольского, а монгольцы все издавна подданные их китайского хана».

Боярин Фёдор Алексеевич Головин

Для России переговоры были сложными. Далеко на западе страна вела тяжелую войну с Турцией, русские войска в те дни безуспешно пытались прорваться в Крым. Непростым было

и внутреннее положение – в 1689 году как раз началась открытая борьба за власть молодого царя Петра I с царевной Софьей и её сторонниками.

Поэтому Россия не имела на Дальнем Востоке достаточно сил, чтобы вести большую войну с маньчжуро-китайской империей. Но и пекинский «богдыхан», после жестоких боёв за Албазин, опасался серьёзной войны с упорными русскими, если будет настаивать на их отступлении за Байкал.

Посол Фёдор Головин проявил немало дипломатического мастерства, порой используя как оружие даже своевременную шутку. Например, когда маньчжурские дипломаты в ходе обсуждений, всё же согласились признать город Нерчинск, в котором шли переговоры, русской территорией, Головин тут же ответил им: «Сердечно благодарен вам за разрешение переночевать здесь эту ночь». Как описывает те минуты переводчик маньчжурской делегации: «Московский посол отвечал с изысканной учтивостью, но его ирония очень ранила наших послов и пристыдила их, хотя в тот момент им удалось как-то скрыть это...»

В итоге обеим сторонам пришлось пойти на компромисс. 27 августа 1689 года представители Москвы и Пекина подписали первый для обоих государств договор о границе, вошедший в историю как Нерчинский трактат.

«Рубеж между обоими государствами постановить...»

Примечательно, что договор, с которого начиналась русско-китайская граница был составлен на трёх языках, но среди них не было китайского. Документы о разграничении Русского царства и империи Цин изложили по-маньчжурски, по-русски и на латыни. Покорившие Китай маньчжуры составляли официальные документы на своём языке, абсолютно далёком от китайского. Посольство боярина Головина свой экземпляр договора писало, естественно, на русском. Латынь же служила языком общения двух делегаций, так как ни в России, ни в маньчжурском Китае ещё не было чиновников, одновременно владевших языками обоих государств.

Переводчиками для маньчжурской стороны стали давно жившие в Пекине католические монахи-миссионеры, француз Франсуа Жербийон и португалец Томазо Перейра. Знатком латыни в русской делегации был Андрей Белобоцкий – русин из Польши, поэт и богослов, учившийся в университетах Италии, Франции и Испании, бежавший в Московскую Русь от преследований инквизиции.

Эти трое знатоков латыни, применяя мёртвый язык исключительно по памяти и не без ошибок, составили письменные варианты договора о границе между Пекином и Москвой. Двойной перевод с маньчжурского на русский при помощи латыни породил в итоге три разных, неидентичных текста. К этому добавились сложности перевода географических названий – имена таёжных рек и гор, ставшие ориентирами на огромном пространстве от Байкала до Охотского моря, на трёх языках звучали по-разному. Да и сами послы с переводчиками очень приблизительно знали географию земель, которые они делили.

В итоге из «Нерчинского трактата», предназначенного «рубеж между обоими государствами постановить», однозначно было понятно лишь одно – русские покидают «город Албазин» или, в латинском варианте, «fortalitia in loco nomine Yagsa», а границей становится правый исток Амура, река Аргунь.

Зато там, где Аргунь сливается с рекой Шилкой и образует сам Амур, география договора прописана весьма непонятно. Русские и маньчжуры договорились «рубеж между обоими государствами постановить» по некой речке «имянем Горбица, которая впадает, идучи вниз, в реку Шилку, с левые стороны, близ реки Черной». На латыни Горбицу запишут как Kerbichi, позже выяснится, что абorigены-«тунгусы» знают аж две реки с таким названием.

От истоков «реки именем Горбица» линия границы проводилась на восток по неким «Каменным горам». В маньчжурском варианте договора они названы «Большим Хинганом», но точно такое же имя носят и горы к югу от Амура. Одним словом, дипломаты смутно представляли, что делают. Поэтому про земли в далёком устье Амура написали просто – «не ограничены до иного благополучного времени». Их разграничение отложили на будущее.

«Ежели б Амур река была в российском владении...»

27 августа 1689 года, в тот день когда боярин Головин подписал Нерчинский трактат, он ещё не знал, что почти в пяти тысячах вёрст к западу, в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре произошли события, навсегда отдавшие власть в руки молодого царя Петра I. Не знал Фёдор Головин и то, что он станет ближайшим сподвижником царя-реформатора, фельд-маршалом его новой армии и участником закладки Санкт-Петербурга.

На Дальний Восток боярин Головин уже никогда не вернётся. Царь Пётр I, занятый реформами и войнами далеко на Западе, вполне удовлетворится Нерчинским трактатом, который, хотя и отодвинул Россию со страшно далёкого Амура, но помог избежать конфликта с большим Китаем, а, главное, открыл возможности для выгодной русско-китайской торговли.

5-я статья подписанного в Нерчинске договора позволяла «для нынешние начатые дружбы приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что надобно». Поэтому Россия смогла стать посредником в выгодной коммерции между Европой и Китаем. И в разгар войны со шведами приходявшие из Китая караваны приносили огромные прибыли, в отдельные годы покрывая половину всего бюджетного дефицита страны.

О так до конца и не установленной дальневосточной границе задумались лишь по окончании долгой войны за Балтику. В Китай отправился один из лучших дипломатов Петра I граф Савва Рагузинский. Одной из его задач было «учинить, сколько возможно будет, обстоятельное описание и карту» земель к северу от Амура, чтобы наконец понять, где же точно среди тайги и гор проходит русско-китайская граница, и где она упирается в Охотское или Японское море...

Но два века назад задача исследования дикой тайги оказалась невыполнимой, хотя посольство Рагузинского сопровождали несколько офицеров-геодезистов. Как докладывал в Петербург в апреле 1728 года сам посол: «Об оных местах подлинно ныне ничего проведать не можно было, ибо дважды геодезистов для описания посылал, кои девять недель ехав от Якутска до реки Уды и пожив в тамошнем острожке, возвратились ни с чем».

Упомянутый «острожек» – ныне село Удское в Тугуро-Чумиканском районе на севере Хабаровского края. Где же заканчиваются загадочные «Каменные горы» из Нерчинского трактата и кому принадлежит безлюдный северный берег в устье Амура так и осталось непонятным. Поэтому посольство Рагузинского смогло уточнить границу двух империи в районе Монголии, но не затронуло отложенный в Нерчинске вопрос о точной границе в Приамурье.

Тем временем власти Российской империи всё более понимали, что Амур стране всё-таки нужен, прежде всего, как единственная в те времена удобная «трасса», идущая с запада на восток к Тихоокеанскому побережью. Без Амура связь с Камчаткой приходилось поддерживать, через порт Охотска, до которого добирались вьючными караванами из Якутска по тяжелейшему и неудобному «тракту», сквозь леса, болота и горы (<http://dv.land/history/pervyi-na-dalnevostochnom-beregu>). Не случайно, одновременно с посольством Рагузинского в Петербург обратился якутский воевода Яков Ельчин, жалуясь на неудобство «тракта» в Охотск: «Ежели б Амур река была в российском владении и можно было от Нерчинска выходить судами в амурское устье, то от Якутска до Охотска пути старание иметь не надлежало б».

Вскоре в Петербург пришел обстоятельный документ от одного из участников экспедиции Беринга, сосланного на Камчатку капитана Василия Казанцева. Камчатский ссыльный доказывал, что для связи с побережьем Охотского моря лучше использовать плывущие по

Амуру корабли, а не трудные оленьи тропы из Якутска в Охотск. Одновременно в Петербург обратился другой участник экспедиции Беринга, профессор Академии наук Герхард Миллер. Побывав в 1735 году в Нерчинске и у истоков Амура, профессор с удивлением обнаружил, что невозможно понять, где же проходит граница в Приамурье. Об этом Миллер написал целую книгу «Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ Российским и Китайским государствами 1689 года», в которой доказывал невозможность понять, что же такое «Каменные горы» из Нерчинского трактата, и что отнюдь не весь северный берег Амура принадлежит Китаю.

«Должно домогаться у китайского двора свободного плавания по Амуру...»

Амур был слишком далёк от Петербурга, но в правительстве всё же задумались о значении для страны судоходства по великой реке. В 1753 году Сенат Российской империи, после большого совещания с военными, дипломатами и учёными из Академии наук, принял резолюцию: «Иностранной коллегии должно домогаться у китайского двора свободного плавания по Амуру, а между тем, на реке Ингоде, где она соединялась с Аргуном, приискать удобное к строению судов место. Построив же два судна, могущие Амуром, а потом и морем плыть в русские порты, приготовить для этих судов все необходимое, и когда китайский двор позволит свободное плавание по Амуру, то суда эти отправить в путь немедленно, с приказанием экипажам описать подробно саму реку и прилегающие к ней местности».

В Петербурге рассчитывали, что неясность границ в районе Амура позволит Иностранной коллегии (как тогда именовали Министерство иностранных дел) добиться у Пекина согласия на плавание по реке русских кораблей. Хотя канцлер Российской империи Бестужев-Рюмин и считал, что такое обращение к Пекину «совсем бесплодно быть имеет», но всё же решили отправить к истокам Амура специалистов, чтобы определить удобное место для корабельной верфи и подготовить строительство судов.

Это предприятие вошло в историю как «Нерчинская секретная экспедиция», которой руководил сибирский губернатор Василий Мятлев. Участники «секретной экспедиции» впервые начали научное изучение фарватера Амура и подсчитали, что при использовании этой реки доставка хлеба и грузов в русские порты на Охотском море и Камчатке обойдется значительно дешевле.

Однако, в мае 1758 года отправленный в Китай посланник Василий Братищев привёз ответ пекинского правительства. Маньчжурский император-«богдыхан» в своей грамоте, датированной 23 сентября 1757 года, отказал в дозволении русским судам плавать по Амуру. Мотив отказа в русском переводе XVIII столетия звучал так: «У нас от века того не бывало, чтоб России позволено было в какое-нибудь место провозить свой хлеб рекою Амур, чего и ныне никоим образом позволить нельзя».

Китай и в то время был крупнейшим по населению государством планеты, уже тогда игравшим заметную роль в мировой торговле. Поэтому в Петербурге не желали ссориться с огромной страной, к тому же, не имея возможности перебросить к востоку от Байкала значительные военные силы. Обидный отказ пришлось проглотить, смирившись с неуступчивостью китайских властей.

«О способах к осмотру Амура, не подав подозрения китайцам...»

К вопросу о плавании русских кораблей по Амуру пыталась вернуться царица Екатерина II. В 1764 году она поинтересовалась у дипломатов, не стоит ли вновь попробовать уговорить Китай на счёт Амура. Ответ Коллегии иностранных дел был неутешительным: «Как ни уверенна Коллегия в необходимости и пользе того, чтобы русские суда рекою Амур ходили сво-

бно, но по известному упорству в том китайского двора не находит теперь способов возобновить свои домогательства...»

Великая императрица, присоединившая к России берега Чёрного моря, Крым и большую часть Польши, так и не решилась поспорить с Китаем, ради Амура. Лишь её внук, царь Александр I в 1805 году вновь попытался решить вопрос Амура, отправив в Китай большое посольство во главе с графом Юрием Головкиным.

В подписанной царём инструкции для посла говорилось: «Разведать о степени судоходности реки Амур, и вытребовать от китайцев позволение ходить по Амуру хотя бы несколькими судам ежегодно, для снабжения Камчатки и Русской Америки необходимыми припасами».

Вместе с послом Головкиным к дальневосточной границе ехал полковник Теодор д'Овре, который числился в императорской свите «по квартирмейстерской части», в реальности выполняя функции военного разведчика. Поставленные царём задачи были изложены чётко: «Собрать все возможные сведения о военном положении страны между Байкалом и чертою китайской границы. Развить представления относительно военной части у китайцев в Маньчжурии, по Амуру. Представить заключение, возможно ли будет со временем совершить небольшую тайную экспедицию в страны, лежащие между Амуром и Становым хребтом. Сохранять тайну и осторожность».

Оказавшись в верхнем течении Амура полковник д'Овре с удивлением установил, что местные «тунгусы» не считают себя китайскими подданными, а всё присутствие Китая на этих землях ограничивается несколькими «пограничными столбами с надписями на пяти языках». В итоге разведчик представил русскому царю проект «О способах к осмотру и описи Амура и совершению экспедиции по левому берегу этой реки, не подав подозрения китайцам».

Однако, на западных рубежах России как раз начиналась большая война с Наполеоном, поэтому Александру I пришлось навсегда забыть о нерешённых вопросах восточной границы. Полковник д'Овре вернулся с берегов Амура чтобы воевать против Бонапарта и в итоге с боями дошёл до Парижа, став генералом и резидентом русской военной разведки в Западной Европе. Заниматься дальневосточными вопросами ему более не пришлось.

Граф Юрий Александрович Головкин

Миссия посла Головкина, с которым разведчик д'Овре в 1805 году ехал к границам Китая, тоже закончилась неудачей. Маньчжурские чиновники, не желая даже разговаривать о спорной границе у Амура, не пустили посольство в свою страну, под предлогом того, что посол отказался тренироваться в ритуальных поклонах китайскому императору.

Ради интересов страны граф Юрий Александрович Головкин даже согласился на «девятикратное касание пола лбом» перед самим императором, но счёл унижительным и нарушающим достоинство Российской империи требование отрепетировать такие поклоны перед пограничными чиновниками империи Цин. Посольству пришлось безрезультатно пуститься в обратный путь из Забайкалья в Петербург...

До возвращения России на берега Амура оставалось ещё полвека.

«Чтоб нам был уступлен один из берегов Амура...»

10 мая 1805 года граф Головкин направил в Министерство иностранных дел Российской империи «Записку о реке Амур», в которой проанализировал все варианты развития событий вокруг великой дальневосточной реки. Русский дипломат считал, что нет природных рубежей между Россией и Китаем, «кроме реки Амур, коя могла бы служить естественною границею».

«Свободное плавание по Амуру важно для нас, – доказывал Головкин, – дабы приобрести более легкое, нежели ныне, сообщение меж Сибирью и учреждениями на Камчатке и в Охотске. Нет сомнения, что преимущества более умеренного климата, плодородия берегов сей реки, леса, который можно там обрести для строительства судов, составляли бы весьма выгодные средства для снабжения продуктами и торговли с этими бесплодными областями. Судходство по Амуру предоставило бы нам также возможность установить деятельную торговлю с манджурами и обитателями Кореи».

Но, как доказывал русский дипломат, не смотря на все неточности Нерчинского трактата, власти Китая никогда не пойдут на добровольные уступки: «Напрасно стремились бы мы доказать наши права на сию территорию – китайцы никогда не согласятся их признать». Однако, по мнению Головкина, путь войны с Китаем тоже недопустим: «Путь переговоров обещает лишь весьма сомнительный успех. Путь оружия представляется еще менее благоприятным... Ежели мы сравним ту легкость, с каковою китайцы соберут 100 тысяч человек на берегах Амура, с теми препятствиями, которые нам придется преодолеть, чтоб собрать там армию в 15–20 тысяч человек и содержать их там, то можно видеть, что сие значит слишком дорого платить за завоевание...»

Юрий Головкин доказывал, что решить вопрос о границе по Амуру, можно только в одном единственном случае – если китайцам когда-либо потребуется политическая или военная помощь России: «Наша помощь либо даже посредничество дали бы нам право выставлять требования и добиться, чтоб вместо прямой линии к востоку нам был уступлен левый берег Амура».

Забегая вперёд, скажем, что именно так всё и произойдёт через пятьдесят с лишним лет после того как дипломат Головкин написал свою «Записку о реке Амур». В середине XIX века Китаю, после неудачных «опиумных войн» с Англией и Францией, потребуется помощь и посредничество России. Только тогда власти империи Цин пойдут на уступки в «амурском вопросе».

Но в эти полвека вокруг Амура произойдёт ещё много исторических событий и политических интриг. Подданным Российской империи придётся совершить немало трудов и подвигов, чтобы твёрдо встать на берегах великой реки.

«Особый Комитет по делам Дальнего Востока»

Начнётся всё с того, что в 1839 году вспыхнет война империи Цин с Англией – первое боевое столкновение европейцев с Китаем после того как прекратились бои маньчжуров и казаков на Амуре. Это столкновение покажет, что китайцы страшно отстали в военном деле. Пока в Европе гремели непрерывные войны, совершенствовавшие оружие и военное искусство, покорившийся маньчжурам Китай с конца XVII столетия наслаждался миром. И за полтора века без войн армия империи Цин, хотя и насчитывала миллион солдат, растеряла боевой дух и осталась абсолютно средневековой со старым оружием.

Оказалось, что европейские пароходы и нарезные ружья легко громят огромное китайское воинство. К 1842 году Англия одержала победу над Китаем, захватив Гонконг и получив небывалые привилегии в других портах огромной страны.

Именно известия об этой победе заставили императора Николая I вновь задуматься о старом «амурском вопросе». Во-первых, оказалось, что огромный Китай не так уж силен, как это представлялось ранее. Во-вторых, русский царь опасался, что раз китайцы начали уступать чужакам земли на юге, то они могут уступить англичанам и на севере, там, где возле устья Амура проходит так и не определённая граница.

В июне 1843 года Николай I распорядился создать при правительстве «Особый Комитет по делам Дальнего Востока». В Комитет вошли министр иностранных дел граф Нессельроде, морской министр князь Меншиков, военный министр князь Чернышов, министр внутренних дел граф Перовский, начальник Азиатского департамента министерства иностранных дел Сеньявин и глава военной разведки генерал-квартирмейстер Берг.

Самые высокопоставленные чиновники империи должны были определить дальнейшую политику России в отношении Китая и русско-китайской границы в районе Амура. Но прежде чем продолжить рассказ о деятельности «Особого Комитета по делам Дальнего Востока», попробуем разобраться – что же произошло в Китае, почему огромная многомиллионная страна оказалась бессильна против европейского оружия...

Глава 2

«Ничего не может быть презреннее китайской военной силы...»

Армия цинского Китая накануне Первой опиумной войны

В XIX веке Китай не раз становился относительно лёгкой добычей для армий европейского образца. Почему же богатая и самая многонаселённая империя с древнейшими традициями государственности оказалась в таком незавидном положении? Для ответа на этот вопрос, не обойтись без небольшого исторического экскурса.

Полтора века без войн

Племена маньчжуров подчинили себе Китай в годы, когда в России царствовал отец будущего императора-реформатора Петра I. Именно тогда сложилась военная система маньчжурской династии Цин, просуществовавшая почти без изменений до начала XX века. Армия пекинского императора состояла из восьми маньчжурских, восьми монгольских и восьми китайских «дивизий», сведенных в восемь корпусов-«знамён», каждый со своим цветным знаменем.

Этнических маньчжур было немногим более 3 % от числа населения Цинской империи, однако костяк сухопутной армии составляли именно они и родственные им племена солонов и тибо. Вторую ступень в имперской иерархии занимали монголы, за ними шли китайские коллаборационисты-«ханьцзюнь», служившие маньчжурам ещё до окончательного покорения Китая, и лишь затем остальные китайцы. Помимо гвардии «восьми знамен» были созданы и местные гарнизонные и охранные войска из китайцев, не входившие в привилегированную систему «восьми знамен» и называвшиеся «войсками зеленого знамени».

Маньчжурский генерал «восьмизнамённой» армии в парадных доспехах, фотография XIX века

В XVII веке военная организация маньчжур не сильно отставала от современного ей европейского уровня. Однако, вскоре империя Цин достигла своих «естественных» границ – «Срединное государство» и вассальные ей более слабые «варварские племена» со всех сторон окружали почти безлюдные и труднопроходимые просторы мирового океана, северной тайги, южных тропиков и высочайших в мире гор Гималаев.

Полтора века маньчжурский Китай не сталкивался с противником, обладающим развитой военной организацией и техникой. Европейские державы были отделены далекими морями и до начала эпохи парового флота просто не имели возможности перебросить достаточные силы к границам Поднебесной. Российская же империя вплоть до XX века никогда и не имела на своих дальних восточных границах современных и многочисленных войск.

Незначительные по китайским меркам волнения крестьян в отдельных провинциях, да немногочисленные локальные войны с заведомо слабейшим и менее развитым противником на дальних границах – вот и весь боевой опыт империи Цин с конца XVII века и до первого столкновения с европейцами 3 ноября 1839 года.

При этом 400-миллионный Китай всё эти полтора столетия имел самую большую армию мирного времени на планете. Когда в Европе гремели наполеоновские войны, покой Поднебесной охранял миллион солдат, то есть даже больше чем все войска Бонапарта на начало 1812 года, в момент наивысшего военного напряжения французской империи, контролировавшей почти всю Западную и Центральную Европу.

Миллионы богдыхана

В списках «восьмизнамённой» гвардии числилось 275 тысяч бойцов, всё наследственное военное сословие империи Цин. Треть из них стояла элитными гарнизонами в наиболее крупных городах по всему Китаю. Еще порядка 650 тысяч, от 20 до 50 тысяч в каждой провинции, составляли «Войска зелёного знамени», которые комплектовались из китайцев путем вольного найма и несли службу в местных гарнизонах. Эти войска выполняли все административные функции, от чисто военных до полицейских и даже курьерских.

Из восьми маньчжурских корпусов-«знамён», старшим считался корпус «Жёлтого с красной каймой знамени», так как в его списках числили императора и императорскую фамилию. В этот же корпус входила рота («ниру» по-маньчжурски или «цзолин» по-китайски) «албазинцев», потомков русских казаков, взятых маньчжурами в плен при долгой осаде Албазина (маньчжуры называли его Якса) в 1685 году.

Столичные «восьмизнамённые» войска имели структуру вычурную и по средневековому красочную, сюда, например, входили: дворцовая гвардия – «Цзинь-цзюнь-ин» и стража летней резиденции – «Юань-мин-юань», стража у императорской усыпальницы – «Шао-лин-цзы-бин» и особая тигровая рота – «Хуцянь-ин», в которую включались лучшие стрелки из лука для императорской охоты. Среди столичного гарнизона был и особый отряд «тигров», щитоносцев, одетых в желтые полосатые костюмы, под цвет тигровой шкуры. В теории они предназначались для отражения атак неприятельской конницы, путем наведения своими костюмами страха на лошадей – увы, не все лошади знали о существовании тигров.

Структура провинциальных «Войск зелёного знамени» была более функциональной. Помимо городских гарнизонов они включали два отдельных корпуса, выполнявших стратегические задачи: «Хо-пяо», занимавшийся охраной и поддержанием в порядке многочисленных плотин на жёлтой реке Хуанхэ, и корпус «Цао-пяо», выполнявший аналогичные функции на

Императорском канале, основной транспортной артерии центрального Китая, по которой шло снабжение продовольствием Пекина и северных провинций.

«Тигровый» воин из пекинского гарнизона, гравюра XIX века

«Зелёнознамённые» солдаты сводились в пехотные «ины» (батальоны), численностью в 500 человек, и кавалерийские «ины» (эскадроны) в 250 человек. Из нескольких «инов» составлялись «чжэнь-пяо», бригады, а все войска провинции подчинялись провинциальному главнокомандующему, «ти-ду». Четкая система организации и действенный контроль со стороны центрального правительства практически отсутствовали. «Войска зеленого знамени» представляли собой конгломерат разрозненных полков, отрядов и гарнизонов. Уровень подготовки и условия службы очень разнились, в зависимости от степени коррумпированности чиновников разных провинций.

Китайский солдат из «войск зелёного знамени» с фитильным ружьём, фотография XIX века

Здесь необходимо добавить, что китайцы представляются монолитным народом только стороннему наблюдателю, в действительности это конгломерат родственных этносов, зачастую не понимающих друг друга – например, провинциальные диалекты северного Пекина и южного Гауандуна отличаются больше чем русский и польский языки. Так что в ту эпоху для многих

китайцев перманентная вражда с маньчжурскими властями или соседними кланами была актуальнее любых стычек с далёкими «варварами». В XIX веке все воевавшие с Цинской империей по сути ни разу и не столкнулись с единым Китаем...

Личный состав «Восьмизнаменной» гвардии получал достаточно высокое содержание: рядовые столичных частей по 4 лян серебра в месяц, артиллеристы – 3 лян, рядовые – 1,5 лян. Кроме того, каждый «восьмизнаменный» солдат и унтер-офицер получал 22 мешка риса в год. Офицерский состав Восьмизнаменных войск получал в зависимости от чина от 45 до 80 лян серебра в месяц и соответствующее немалое количество мешков риса. Китайские солдаты зеленого знамени обходились значительно дешевле – от 1 до 1,5 лян в месяц и всего 3,5 мешка риса в год.

Серебряный лян в то время примерно равнялся 2 российским рублям серебром. Таким образом, жалование солдат и офицеров Цинской империи (особенно «восьмизнаменных») заметно превышало служебные доходы офицеров, не говоря уже о солдатах, Российской империи. Но в условиях казнокрадства и коррупции китайские солдаты «Войск зелёного знамени», по многочисленным свидетельствам современников, вели вполне нищенское существование.

Военный бюджет Китая в 1812 году составил 51 миллион рублей серебром (25200275 лян серебра), плюс такая неопределяемая ныне сумма как 5608676 мешков риса. Даже без этих мешков данная сумма соответствует прямым военным расходам Российской империи в том году, когда французы сожгли Москву.

Таким образом, с цифрами у Китая было всё в порядке. Хуже было другое – его огромная армия оставалась абсолютно средневековой. Уровень военной техники и тактики соответствовал в лучшем случае европейской Тридцатилетней войне (1618—48 гг.).

«Но вот приближается к ним от запада сосед...»

Один из первых русских китаеведов Захар Леонтьевский в 1824 году наблюдал ежегодный смотр и стрельбы «восьмизнаменной» гвардии в окрестностях Пекина. По описанию виден типичный для европейской тактики XVI–XVII веков «караколь»: последовательные залпы сменяющихся рядов в глубоком построении стрелков. Описанные ружья – типичная фитильная аркебуза XVI столетия, употреблявшаяся в Европе ещё до появления тяжелых мушкетов. Ствол короткий «в аршин», то есть более чем на 40 см короче русского пехотного ружья эпохи войны с Наполеоном. Калибр так же мельче европейского тех лет (15 и 18 мм соответственно).

Характерно, что китайскими стрелками не употреблялся шомпол, пуля просто опускалась в ствол. Подобные «аркебузы» и тактика их применения позволяли развить достаточно большую скорострельность при малой дальности и никакой меткости. Относительно малый калибр, соответственно малый вес пули и заряда, не позволяли эффективно пробивать доспехи, чем, и объясняется сохранение средневековых лат на вооружении маньчжурской армии до второй половины XIX века.

Помимо маньчжурских «аркебузирова» Захар Леонтьевский описывает отряды пеших и конных лучников. Наряду с короткими пехотными ружьями воины империи Цин использовали и наоборот очень длинные, до 2 метров и калибром 20–25 мм, обычно стрелявшие сразу несколькими пулями. Столкнувшись с таким оружием в ходе Первой опиумной войны, англичане, вспомнив европейское Средневековье, именовали его «гингальсом».

Китайский «гингальс», гравюра 1843 года

При стрельбе такое тяжёлое ружьё обслуживалось двумя бойцами, один клал ствол на плечо и плотно фиксировал его при помощи жгута материи, другой стрелял. По свидетельствам очевидцев, из-за примитивности фитильного устройства и большого количества некачественного пороха, применяемого для выстрела из такого «гингальса», лица многих стрелков носили следы пороховых ожогов.

Не лучше обстояло дело и с артиллерией. Русский дипломат Егор Ковалевский, посетивший Пекин в 1849—51 гг., оставил любопытное описание ежегодных учений столичных артиллеристов из «восьмизнаменных» войск: «Орудий было до двухсот, но что за орудия! Привезенные на поле пушки увязываются веревками; иные просто к брускам, положенным плашмя, иные к лафетам, если только можно назвать лафетами эти уродливые одноколки, колеса которых врываются до половины в рыхлую землю, чтобы откат не был очень силен». По описаниям Ковалевского стреляли китайцы «без диоптра, на глаз, подбивая клинья спереди или сзади, притягивая веревкой вправо или ослабляя влево».

Как видим, это даже не эпоха Тридцатилетней войны. Нечто подобное было в битве при Павии или у Ивана Грозного во время взятия Казани за четыре века до описываемых событий.

Застоя в военном деле способствовала и господствовавшая в Китае неоконфуцианская идеология, искренне считавшая Поднебесную единственным центром мира и отвергавшая любые заимствования у близких или далеких «варваров». Новый XIX век «стали, пара и электричества» Китай, в лице Цинской империи, формально встретил в зените могущества – кроме современной территории, включая Тибет, Синьцзян и Тайвань, его границы охватывали Монголию, Корею, Вьетнам, Бирму, Непал, ныне российскую Туву и российское Приморье. Но накануне столкновения с европейцами, вооруженные силы Китая оставались по сути всё той же армией, с которой маньчжурский союз племён покорял империю Мин два века тому.

Не удивительно, что современник наполеоновских войн, русский подданный, американец ирландского происхождения Пётр Добель (Питер Дюбель), посетивший Китай по торгово-дипломатическим делам в 1818 году, оставил первое в России того времени и очень показательное описание цинского войска: «Ничего не может быть презреннее устройства китайской военной силы... Оружие китайской пехоты есть: длинные пики, ружья с фитилями, короткие сабли... Конница их также имеет сабли; но самое лучшее их оружие суть лук и стрелы... В армии богдыхана числится более миллиона воинов. Это может быть и справедливо, но поло-

жительно могу уверить всех, что нигде и никогда не существовало войска, при такой многочисленности столь слабого и малоспособного защищать государство и столь совершенно несведущего в воинском искусстве. Я уверен, что всякая европейская держава, если б только решилась вести войну с китайцами, могла бы весьма легко покорить страну сию; и я надеюсь еще дожить до сей эпохи...»

Надменный, но наблюдательный европеец Дюбель оказался хорошим аналитиком и действительно дожил «до сей эпохи», когда, наверняка не без удовлетворения читал известия о первой опиумной войне. Пока же, за четверть века до столкновения Британской и Китайской империй, он пророчествовал: «Долговременный мир, коим наслаждаются китайцы, много способствовал к растлению нравов и ослаблению духа бодрости и мужества. Может быть, нет в свете народа менее воинственного, как китайцы.

И если бы Китай не был окружен морем и слабейшими соседями, то бы давно сделался добычею первого отважного завоевателя.

Но вот приближается к ним от запада сосед, которого должны они страшиться, и против которого нет никакой обороны. Я разумею британцев в Ост-Индии, владения их придвинулись уже к самым границам Китая...»

Опиум для Китая

По странному совпадению, в 1757 году, когда маньчжуры, вырезав джунгар, присоединили к Китаю территорию будущего Синьцзяна, британская Ост-Индийская компания захватила в Бенгалии районы, производящие опиум. Опиум и стал первым товаром европейских торговцев, который нашел широкий спрос на самодостаточном китайском рынке.

Первые медицинские сведения о свойствах опия в Китае находят в книге рецептов «Средние страны», появившейся в X веке, в эпоху долгих междоусобных войн и переворотов между падением империи Тан и воцарением династии Сун. Первоначально, китайцы позаимствовали от индийских мусульман способ варить мак и из полученного опия делать «хлебцы». Однако им куда больше полюбили курение опия, которое вызывало иное, более глубокое действие. Уже при первых вдохах дыма человек впадает в сладкую дрему наркотического опьянения. Как оказалось, именно индийский опиум из Бенгалии обладал особым качеством и приобрёл небывалый спрос в Поднебесной...

Уже к концу XVIII века англичане наладили широкую торговлю этим специфическим «товаром», занимавшем к рубежу веков свыше трети всего объема английской торговли с Китаем. И если раньше европейцы вынуждены были щедро платить серебром за чай, шелк, фарфор и прочие популярные у европейской элиты китайские товары, то теперь поток серебра (основной в том мире расчетной валюты) хлынул в обратную сторону.

Масштабы наркоторговли были просто фантастическими. Только в одном 1837 году англичане ввезли в Китай 2535 тонн опия, выручив за него 592 тонны серебра. А ведь кроме англичан в наркоторговле подвизались и американцы, перепродававшие в Китай более дешёвый и менее «качественный» турецкий опиум, и прочие европейские торговцы. Всего же в 1837 году в обмен на опиум из Китая утекло свыше 1200 тонн серебра. Вымывание из страны серебряной монеты перекосило всю экономическую и финансовую систему Китая, вызвав катастрофическое удорожание серебряной монеты и как следствие – резкий рост налогового бремени и снижение уровня жизни основной массы крестьянского населения, в быту пользовавшегося мелкой медной монетой, но платившего подати серебром.

Помимо экономического удара, торговля опиумом, при таких гигантских масштабах наносила страшный удар по моральному и физическому состоянию всего китайского народа. В первую очередь наркоманами становились представители элиты, ведь у крестьян просто не было серебра на покупку опия. По оценкам современников среди пекинских чиновников

было 10–20 % курильщиков опиума, а в приморских провинциях и портовых городах юга Китая таковых было свыше половины. Наркоманами стали даже некоторые маньчжурские принцы. А после того как под влиянием высокого спроса плантации мака появились в континентальном Китае, и их менее качественный, но дешёвый опиум стал доступен простолюдинам, к наркоманам-принцам и наркоманам-чиновникам присоединились наркоманы-крестьяне, наркоманы-солдаты и даже наркоманы-монахи.

Как с ужасом писал китайский очевидец, свидетель тех лет: «Днем люди спали, а ночью бодрствовали; ясным светлым днём не слышно было и человеческого голоса, царила тишина, а ночью при свете луны и красных фонарей открывался дьявольский базар...»

Курение опиума на полтора века стало бичом китайской жизни, и даже в первой половине XX века многие видные политики и военные деятели Китая всех противоборствующих лагерей – вроде «Молодого маршала» Джан Сюэяна или главного красного маршала Джу Дэ, бывшего в молодости страстным курильщиком опиума – не были свободны от этой пагубной страсти. И только жесткая диктатура Коммунистической партии Китая сумела обуздать наркотическую эпидемию.

А пока же чиновники империи Цин упивались опиумными галлюцинациями, а их более корыстные коллеги упивались подсчетом коррупционных барышей, которые приносила нелегальная торговля маковым зельем. Всеобщая коррупция стала третьим – помимо ущерба генофонду и экономике – злом, занесенным в Китай на парусах быстроходных опиумных клиперов, порожденных бурно развивавшимся европейским капитализмом.

Первый императорский указ о запрете торговли опиумом появился еще в 1729 году, задолго до развития систематического британского трафика из Индии. Начиная с 1796 года указы о запрете опиума следовали регулярно, со столь же постоянной безрезультатностью. Зачастую, европейские купцы вели торговлю прямо с кораблей, стоявших на якоре у побережья. Многочисленные сампаны и джонки свозили опиум на берег, и по многочисленным рекам и каналам распространяли его по всему Китаю.

«Борьба» с опиумоторговлей создала устойчивую коррупционную систему среди маньчжуро-китайского чиновничества. Например, лет за десять до первой опиумной войны, капитан Хань Чжаоцин, назначенный руководить борьбой с опиумной контрабандой, договорился с иностранными судовладельцами и с каждого пропущенных 10 тысяч ящиков опиума брал процент, несколько сот ящиков, и докладывал о них властям, как об успешно захваченных. Дошло до того, что он ввозил опиум на военных судах и получал при этом награды за успешную борьбу с наркоторговлей. В результате, высокопоставленный коррупционер получил чин адмирала и право ношения павлиньих перьев на головном уборе, нажил огромное состояние, ну и, заодно, убил наркотиком множество соотечественников.

Нельзя сказать, что данные проблемы совсем не волновали власть. У высших чинов империи Цин были разные взгляды на проблему опиума. Часть чиновников выступала за тотальный запрет не только торговли, но и хранения и употребления опиума. Другие наоборот призывали шире наладить собственное опиумное производство, строго запретив употребление лишь военным и чиновникам, и собственным опиумом вытеснить с китайского рынка опиум английский, чтобы остановить стремительный отток серебра из Поднебесной. Но наиболее многочисленная и, как выяснится, наиболее влиятельная часть элиты вообще ни за что не выступала – этим разложенцам и так неплохо жилось.

Невольным инициатором первой «опиумной войны» станет честный китайский чиновник Линь Цзэсюй. Но именно этот человек сделает для Китая и первое описание царской России, на котором стоит остановиться поподробнее.

Глава 3

Царская Россия глазами Китая *Какой в XIX столетии виделась Российская империя из Китая*

Интересующемуся историей российскому читателю давно известны произведения, описывающие взгляд на нашу страну иностранца с Запада, из Европы. Начиная с «Записок о Московии» Сигизмунда фон Герберштейна XVI века до «России в 1839 году» маркиза де Кюстина.

И посол императора «Священной Римской империи» (фактической предшественницы современного Евросоюза) барон фон Герберштейн и, как бы сказали сейчас, «независимый журналист» де Кюстин дали весьма любопытный взгляд на нашу страну извне. Взгляд чужой, зачастую недоброжелательный, но меткий — и оттого очень интересный, полезный. Ведь не зря русская пословица гласит о том, что «большое видится на расстоянии».

Споры о таких взглядах иностранцев на Россию — о том, чего там больше, откровенной русофобии или нелицеприятного, но объективного анализа — ведутся уже как минимум третий век. При любых итогах таких споров, бесспорно одно — мнения европейцев, их взгляд на нашу страну с Запада, как минимум в России всегда вызывали повышенный интерес.

При этом взгляд на Россию с противоположной стороны света, с Востока, в нашей стране как правило никому не известен за исключением единиц узких специалистов-востоковедов. Парадоксально, но мнение о России ничем не прославленного, кроме собственно «Записок» о нашей стране француза де Кюстина обсуждается уже не первый век. При этом почти никто не знает, что одновременно с де Кюстином о Российской империи писал ещё один очень внимательный (и в чём-то столь же недоброжелательный) иностранный наблюдатель.

Только был этот посторонний исследователь нашей страны одним из первых лиц своего огромного государства, самого населённого на планете. И вот об этом взгляде со стороны — со стороны Востока, вроде бы дальнего, но плотно примыкающего к нашим границам — Россия не знает почти ничего. Попробуем исправить эту ошибку.

«Серебряный журавль» против европейского опиума

В 1839 году, том самом, когда французский маркиз Астольф Луи Леонор де Кюстин катился в карете из Петербурга в Москву, на 8 тысяч вёрст юго-восточнее столицы Российской империи, из Пекина в самый большой порт на юге Китая ехал новый начальник. Карету ему заменял паланкин, который на своих плечах несли десятки слуг.

54-летний Линь Цзэсюй был отмечен титулом «чжитай», в соответствии с которым ему полагался серебряный журавль, вышитый на груди чиновничьего халата. Титул «чжитай» в России переводили как «наместник», а в Англии — как «Viceroy», вице-король.

Действительно, наместник Линь уже два года возглавлял две самые населённые провинции в центре Китайской империи — Хубэй и Хунань, а в самом конце 1838 года император Сяньфэн, фактически, присоединил к его наместничеству и самую южную провинцию страны, Гуандун. Тогда на территории этих трёх провинций Китая, подвластных Линь Цзэсюю, проживало около 70 миллионов человек — столько же в том году населяло всю территорию Российской империи.

Пекинское правительство поручило наместнику Линю искоренить торговлю опиумом на юге страны, для чего ему подчинили не только третью провинцию, но и морской флот, охра-

нявший южные берега китайской империи Цин. К тому времени нелегальный ввоз опиума английскими купцами беспокоил даже надменных и костных царедворцев Пекина.

Императорский наместник Линь Цзэсюй

По оценкам Линь Цзэсюя, который уже несколько лет с тревогой изучал проблемы опиумоторговли, в 1835 году китайцы заплатили англичанам за этот наркотик почти 3 тысячи тонн

серебра в монетах и слитках — это в 10 раз превышало стоимость всего легального импорта за тот год из Британии в Китай. Всего за два следующих года объем опиумной торговли удвоился — в 1837 году англичане ввезли в Китай 2535 тонн опия, выручив за него 592 тонны серебра.

Объём нелегальной торговли опиумом был таков, что буквально вымывал серебряную монету их южных провинций Китая, повышая стоимость серебра и задевая экономику всей империи Цин. К тому же курение опиума активно разлагало управляющий аппарат империи, ведь первым наркотиком распространялся среди зажиточных городских слоёв и чиновников. По оценкам наместника Линя опиумными наркоманами были до трети всех чиновников в южных, приморских провинциях Китая.

Поэтому, прибыв в Гуанчжоу, самый крупный порт на юге страны, через который велась основная торговля Поднебесной с иностранцами, наместник Линь Цзэсюй решительно взялся за дело. С марта по май 1839 года его солдаты арестовали почти две тысячи китайских торговцев, специализировавшихся на опиумной торговле с англичанами. Одних лишь трубок для курения опиума в самом крупном порту Китая изъяли более 70 тысяч.

Первоначально наместник Линь старался избегать насилия в отношении иностранных купцов, он предложил им сдать весь опиум в обмен на чай. Результат оказался неутешительным — британские торговцы, главные поставщики опиума, шедшего из захваченной англичанами Индии, жаждали серебра и не спешили сдавать зелье в обмен на чай. Тогда в конце апреля 1839 года наместник Линь начал силой обыскивать склады и корабли англичан, обнаруженный опиум подлежал конфискации.

К июню солдаты и чиновники Линь Цзэсюя конфисковали два с половиной миллиона фунтов, то есть свыше миллиона килограммов наркотика. 3 июня 1839 года пятьсот китайских работников на берегу за стенами Гуанчжоу приступили к сожжению всего изъятого у европейцев опиума. Уже в конце XX века этот день — 3 июня — в КНР стал отмечаться как день борьбы с наркотиками.

На сожжение миллиона килограммов опиума потратили 23 дня, последнюю партию уничтожили 26 июня 1839 года. Спустя полтора века, в 1987 году именно в память этого дня Генеральная Ассамблея ООН постановила ежегодно отмечать 26 июня как «Международный день борьбы со злоупотреблением наркотическими средствами и их незаконным оборотом».

Русский рецепт для Китая

Как видим, память о наместнике Лине сохранилась и в наши дни, в современном Китае он вообще почитается как один из национальных героев. Но «чжитай» Линь Цзэсюй был не только решительным чиновником — как думающий человек он прекрасно понимал, что такой наезд на прибыли британских коммерсантов неизбежно приведёт к открытому силовому конфликту. И в отличие от большинства надменного и замкнутого в себе имперского чиновничества Китая, наместник Линь догадывался, что огромный и богатый Китай середины XIX века в военном отношении слабее европейцев.

Само сомнение в том, что империя Цин хоть в чём-то отстаёт от «заморских варваров», тогда могло стоить китайскому чиновнику если не головы, то уж точно карьеры. Вся идеология того имперского Китая базировалась на аксиоме, что Поднебесная это центр мира, «Чжун-Го», Срединная империя, самое развитое и культурное государство вселенной. Собственно имперская идеология шла ещё дальше — в ней Китай вообще являлся единственным государством на планете, остальные официально считались ничтожными «варварами», которые являются вассалами Пекина, даже если сами не подозревают об этом.

Линь Цзэсюй же, внимательно изучив европейцев, подозревал совсем иное — что в случае военного столкновения китайцев и «западных варваров» победа может быть совсем не на стороне Китая. Именно поэтому он, предчувствуя надвигающуюся «опиумную войну», в том

же 1839 году попытался закупить современное западное оружие через португальских и североамериканских купцов.

Однако, помимо современного оружия наместник Линь понимал, что для победы необходимо и современное государство. А с этим в Китае тех лет, несмотря на все богатства, огромность населения и древность культуры, было не очень хорошо. По сути империя Цин в плане государственного и военного устройства законсервировалась в той эпохе, которую Европа прошла еще в XVII столетии.

Прямое указание на отставание Китая от «западных варваров» тогда по идеологическим причинам было невозможно. И Линь Цзэсюй, как опытный конфуцианский чиновник, применил обходной манёвр — специально для пекинского императора и его приближённых он написал развлекательный по форме памфлет об отсталом варварском государстве между Европой и Азией, которое благодаря любопытным военно-государственным реформам сумело стать сильным и добиться большого влияния в далёкой Европе.

Так главным героем книги китайского царедворца стала страна «Элосы», этим именем китайцы называли и ныне называют Россию. Сам наместник Линь до этого в нашей стране никогда не бывал, из русских людей он мог лишь мельком наблюдать торговцев «Российско-Американской кампании», чьи корабли периодически приплывали в Гуанчжоу торговать мехами, добытыми на Алеутских островах и Аляске.

Но Линь Цзэсюй был не только одним из самых образованных чиновников империи Цин — благодаря высокому положению наместника 70 миллионов подданных, он смог собрать все доступные тогда в Китае сведения о России. «Чжитай» Линь и его секретари изучили книги прежних китайских авторов и старые летописи, опросили немало китайских коммерсантов, занимавшихся торговлей с русскими на северной границе в Монголии, и даже получили через европейских купцов некоторые английские, французские и португальские книги, так или иначе затрагивавшие историю и географию России.

Так, буквально накануне первого военного столкновения англичан и китайцев, в Поднебесной появилась книга «Основные сведения о Российском государстве».

История России в китайском изложении

Излагая историю нашей страны, китайский автор упоминает даже древнее происхождение славянских племён: «Прародина Элосы находилась на северо-восточных рубежах древней Элиси-Идали и была известна под именем Сидиа, где проживали туфани».

«Элиси-Идали» — это Эллада и Италия, так в средневековой китайской традиции именовалась античная Римская империя. «Сидиа» — это китаизированное произношение имени Скифия или Сарматия, как раз на северо-восточных границах древнего Рима. «Туфанями» же китайцы традиционно именовали первобытные и кочевые племена.

Изначально в древности, пишет Линь, Россия не была особым государством, «не отличаясь от нынешних татар» — то есть ничем особым не выделяясь среди большинства известных автору обычных «варварских» государств Азии. Однако, продолжает Линь, «последние несколько сот лет положили начало мощи и процветанию России».

Китаец в общих чертах знает далёкое прошлое Руси, сообщает о завоевании её в результате нашествия монголов — «хан государства татар, приведя войска, разрушил Москву, а затем уничтожил их государство». Но в XV веке, отмечает Линь Цзэсюй, «один человек из Ногэло по имени Ивань Ваэрси поднял войска и вернул земли северных окраин России, а также возвратил Сибирь, полностью изгнав татар за пределы древних границ, которые были силой ими завоёваны 300 лет назад».

Здесь не трудно понять, что под именем «Ивань Ваэрси» скрывается китайское произношение русского имени «Иван Великий», а китайский историк объединяет в одно целое сразу

несколько исторических личностей — Ивана Калиту, Ивана III и Ивана Грозного. Человек же «из Ногэло» это, понятно, из Новгорода — так далёкий китайский автор обозначил династию Рюриковичей, выяснив из доступных ему сведений, что московские цари считались потомками легендарного Рюрика, начавшего своё правление именно с Новгорода.

Примечательно, что китаец говорит об объединении под скипетром. «Ивань Ваэрси» только «земель северных окраин России», понимая, что значительная часть более южных земель Киевской Руси тогда остались вне государства московских царей.

Далее Линь Цзэсюй начинает повествование о временах царя Петра I: «В начале противоборства с разными странами Европы люди были по-прежнему необразованными и дикими, они не были знакомы с техническими достижениями стран Запада до тех пор, пока царь Петр, умный и талантливый, не покинул столицу своего государства и не отправился с товарищами в Янь-шидалань (Амстердам) и другие места на судовой верфи и в арсеналы, чтобы изучать технические ремесла. Вернувшись домой, Пётр передал знания. И русские даже превзошли другие страны в том, как изготавливать огневые средства и строить боевые корабли. Были обучены и тренированы войска, их дисциплина до настоящего времени исключительно строгая...»

Видно, что китайский автор высоко оценил реформы Петра I и его удачный опыт заимствования технических достижений Запада. Собственно ради этого прозрачного намёка и писалась Линь Цзэсюем его книга, предназначенная для императорского двора в Пекине.

Далее от царя Петра советник Линь сразу переходит к эпохе императрицы Екатерины II. Тут примечательно, что образованный китаец начала XIX столетия не только не различал русские мужские и женские имена, но даже был не в состоянии представить, что монарший трон может официально занимать лицо женского пола. Поэтому императрица Екатерина II именуется в книге Линь Цзэсюя как «Царь Едилини».

«Царь Едилини, — пишет Линь, — завоевал десять губерний Польского государства, а также нанёс поражение 130-тысячному войску французского императора. И бурный расцвет постепенно превратил Россию в самое могущественное государство Европы».

Здесь, как видим, китаец слил воедино и эпоху Екатерины Великой и все наполеоновские войны эпохи Александра I. Но ключевые события ухвачены далёким автором верно — именно годы царствования Екатерины с разделами Речи Посполитой и победы над Наполеоном превратили Россию, как справедливо для тех лет пишет Линь, «в самое могущественное государство Европы».

«Начиная со времени разгрома Франции, — отмечает китайский автор, — Россия вызывает страх у сопредельных стран угрозой расширить границы, увеличить свою территорию».

«Количество государственных рабов превосходит численность войск»

После такого исторического экскурса Линь переходит к описанию государственного устройства Российской империи: «В столице учрежден Синоту (так китайскими иероглифами передаётся термин Сенат) из 62 членов, подчинённые им чиновники прочих ведомств делятся на несколько разрядов. Различия между разрядами делаются не по величине находящихся в распоряжении земель и не по размеру получаемого налога, а по количеству приписанных рабов. Все чины имеют военные должности. Количество государственных рабов превосходит численность войск».

Русских крепостных крестьян Линь Цзэсюй определяет именно термином «раб». Китайская империя на протяжении тысячелетий опиралась на общины лично свободных крестьян, поэтому прикрепленные в России к хозяину крепостные воспринимались китайским современником именно как рабы. И для 1-й половины XIX столетия такое мнение было, увы, вполне справедливым.

Отметим, что Линь Цзэсюй заметил ещё ряд ключевых особенностей Российской империи. Во-первых, указал на наличие большого количества казённых крестьян («государственных рабов» по Линю) — этих прикрепленных к государственным землям людей в то время в России насчитывалось почти 9 миллионов, именно эти «государственные рабы» обслуживали, например, ключевой промышленный комплекс рудников и заводов Урала.

Во-вторых, Линь Цзэсюй отметил ещё одну характерную особенность Российской империи — почти полную милитаризацию бюрократии, «все чины имеют военные должности». Если на начало XIX столетия в давно не воевавшем Китае первую роль в управлении государством играли именно гражданские чиновники, а профессиональные военные были очень далеки от управления государством, то в постоянно воевавшей России большинство высших бюрократов носили генеральские эполеты.

Линь Цзэсюй приводит достаточно подробную статистику по России. Например, указывает, что в 1816 году «насчитывалось 6 миллионов 353 тысяч государственных рабов и 9 миллионов 757 тысяч рабов в частном владении». По сведениям Линя, к 1832 году в России «численность войск возросла до 686 тысяч, что вдвое больше прежнего. Однако их мощь заключается не в многочисленности войск, а в исключительной манёвренности...»

Далее Линь переходит к описанию системы военных поселений императора Николая I: «Каждый крестьянин наделяется земельным участком, кроме того предоставляется жилище, за что обязан содержать одного воина и одну лошадь. Когда нет ратных дел, воин помогает обрабатывать землю. Их военно-морской флот также увеличился и состоит из 40 больших боевых кораблей, 35 малых боевых кораблей, 28 мачтовых судов, 300 небольших судов и 44 тысяч матросов». Любопытно, но в определении количества русских военных кораблей китайский автор близок к истине, лишь несколько занижил реальную численность матросов.

Затрагивает Линь и вопросы образования в России: «Учреждены школы астрономии, школы арифметики, школы игры на музыкальных инструментах, школы технических ремёсел, литературные школы, имеются также библиотеки, в которых хранится много книг на иностранном и русском языках. По этой причине культура и просвещение процветают...»

Линь Цзэсюй уделяет место и вполне этнографическим описаниям русской жизни: «Все местные жители исповедуют греческую религию... Что касается жилищ, то только царский дворец, правительственные учреждения и храмы сооружены из кирпича и покрыты черепицей, прочие жилые постройки населения в основном деревянные. Одежда длинная, до пят. Летняя одежда изготовлена из полотна, зимой накидывают шубу на бараньем меху». Как видим Линь не пропустил своим вниманием самую тогда распространённую зимнюю одежду в России — овчинный тулуп, названный китайцем из субтропического Гуанчжоу «шубой на бараньем меху».

Россия «и в Азии, и в Европе, и в Америке»

Естественно Линь отмечает и огромные пространства России: «Территория страны располагается во многих частях света, и в Азии, и в Европе, и в Америке. В пределах её европейской части имеются следующие семь регионов: Восточная Россия, Западная Россия, Южная Россия, Великая Россия, Малая Россия, Казанская Россия. Кроме того, на южной окраине имеются недавно завоёванные вассальные земли мусульманских народов. На востоке европейская часть России граничит с губерниями Азиатского материка; на западе — с Болань (Польшей), Пулуше (Пруссией), Осайтэли (Австрией); на юге — с Дулуцзи (Турцией); на севере доходит до Ледового моря (Северный Ледовитый океан)».

«К западу от Каспийского моря, к востоку от Черного расположены недавно присоединённые земли России» — так Линь Цзэсюй обозначает Кавказ как раз в эпоху Кавказских войн. «Местные жители, — описывает китаец, — исповедуют магометано-мусульманскую религию,

не сведущи в литературе и науках, грабежом добывают на жизнь. Россия расположила здесь войска, назначила чиновников, чтобы всеми силами опекать и править...»

«Кроме того, — продолжает описание китаец, — имеются завоёванные в Азии новые вассальные земли, всего четыре губернии, составляющие два региона: Восточную Сибирь и Западную Сибирь». Действительно, русская Сибирь с 1822 года делилась на четыре губернии: Енисейскую, Иркутскую, Тобольскую и Томскую — внимательный китайский исследователь не ошибся. Более того он привёл даже подозрительно точную цифру русского населения Сибири — 1038356 человек.

«На востоке, — пишет Линь, — сибирские земли доходят до моря, на севере — до океана. На западе граничат с губерниями Европейского континента, на юге — с монголами Китая...» Монголия, равно как и Тува и будущие русские земли по Амуру и в Приморье тогда ещё были частью Китайской империи Цин.

Любопытно данное китайским автором описание присоединения Сибири к нашей стране: «Россия во времена самообразования государства не была зависимой от Татарии. Некоторые российские купцы добирались до морского побережья Сибири, где вели торговлю, обменивая заморские товары на меха, торговля постепенно разрасталась. Купцы, установив отношения с племенными старейшинами, расхваливали богатства России, уговаривая каждого старейшину вместе со всеми соплеменниками подчиниться России. И те, увидев величие и красоту столицы, городов, дворцов Российского государства, искренне перешли под покровительство России. Ежегодно стали вносить дань из местных богатств, превратившись в вассалов России. Не прилагая большого труда, не используя ни одного солдата и ни одной стрелы, русские обратили всю Сибирь в собственность России».

Однако труд Линь Цзэсюя содержит краткое описание казачьих первопроходцев Сибири и даже упоминает имя Ермака: «Использовали воинов из донских казаков как авангард для нового захвата земель... Среди татар имелся выдающийся предводитель Еэрма, который собрал более 6000 войска и отправился на восток, завоевывать Сибирь. Казаки предполагали сами создать государство, но сил было мало, и они снова покорились России. Еэрма был убит своими подчиненными. После этого российский царь послал войска, расквартированные в Алин (Нарым), которые открыли земли вплоть до Хуанисиа (Енисея). Там проживала народность танэсы (тунгусы). Войска только пришли, а местные жители наперебой стали выплачивать дань мехами...»

Вот как описывает китайский исследователь дальнейшие маршруты первопроходцев: «Русские отправились вдоль реки Лей-на (Лена), свернули влево и пошли трудной горной дорогой. Лед и снег в бескрайней дикой местности, однако там водятся очень дорогие соболь и лисица. В дальнейшем войска казаков, не боясь дождя и снега, постоянно приходили в эти земли. Миновало более 50 лет, и Митэли из донских казаков дошел до берега моря Хэгэсы Восточного океана (т. е. Охотского моря Тихого океана), разведаль дорогу. Еще увеличив войско, отправились по реке Яньяла (Ангара) и дошли до озера Майцзя (так китаец именует Байкал). Среди близких и дальних земель не было таких, которые бы они не покорили...»

Любопытно, что Линь Цзэсюй даже довольно точно передает прозвище основателя Охотского острога — казак Иван Москвитин в китайском произношении стал «Мители».

Линь даёт весьма колоритное описание русских сибиряков: «Радужно принимают гостей, чрезмерно увлекаются вином. Живут в деревянных домах, питаются скудно — едят только чеснок, рыбу, мясо, пьют коровье и лошадиное молоко. На Севере очень холодно, многие не выходят со двора...»

Не обошёл вниманием китайский автор и использование Сибири в качестве места ссылки: «Земли бескрайние и жителей мало. Поэтому отбирают людей из числа государственных преступников и высылают сюда, распределяя трудовую повинность в зависимости от степени тяжести совершенного преступления».

Упоминает Линь Цзэсюй и американские владения России: «На Американском континенте имеется лишь одна небольшая удалённая губерния Гэсимосы. Сведения относительно площади и количества населения отсутствуют». «Гэсимосы» — это, понятно, эскимосы, коренное население севера Аляски.

«Река Воэръя, течёт до Асытэлэцзань...»

Любопытно данное китайцем описание крупнейших рек европейской части России: «Река Воэръя (Волга), ее истоки в Ногэло (Новгородской губернии), течёт до Асытэлацзань (Астрахани), впадает в море. Река Лувэйна (Двина), её истоки в Алуна (Вологда), течёт до Ачжанья (Архангельск), впадает в море. Река Найсыда (Днепр), истоки в Вэйдосы (Витебск), течёт до Били (так китайцы именовали крымский Перекоп), впадает в море. Река Дуань (Дон), истоки у Дула (Тула), течёт до Азопу (Азов), впадает в море...»

Интересно краткое описание Петербурга, «Битэгэ» как его именует китаец: «Столица государства Мосыкэ (Москва) первоначально была основана в Великой России, впоследствии перенесена в Битэгэ (Петербург)... Сюда, на север Восточной России, российский царь перенёс столицу. Население 808512 человек. Гарнизон 55 тысяч. Здесь пролегают рубежи страны, место равнинное, поросшее травами, приморское побережье богато лесами, перемежающимися пахотной землёй; однако холодный климат, обильные осадки в совокупности с половодьем морского прилива и сильные ветры вызывают наводнения, принося бедствия».

Линь Цзэсюй даже упоминает самое крупное наводнение в истории Санкт-Петербурга 1824 года, используя китайское летоисчисление по годам правления пекинских императоров и ошибаясь с русской датой на несколько лет: «В 9 год правления Даогуана утонуло чуть ли не 10 тысяч человек».

Подчинённую России Финляндию китайский исследователь именует «Хунлань»: «Гряды скал сменяют друг друга, леса густы, рощи тенисты. Зима холодная, снег глубокий. Местные жители, финской ветви, патриархальны, трудолюбивы. Их речь отличается от говора жителей других русских губерний».

О трёх губерниях Прибалтики («Лигуй» — Ревельской, «Ливония» — Лифляндской, «Гэлань» — Курляндской) Линь Цзэсюй сообщает, что «прежде принадлежали Швеции, ныне возвращены России».

«Западной Россией» китайский автор именует современные территории Белоруссии и Украины. В их описании Линь Цзэсюй даже кратко упоминает историю Речи Посполитой: «В первые годы династии Мин (т. е. в конце XIV века) земли, прежде принадлежавшие Чачжээрлунь и Польше, после бракосочетания Чачжээрлунь с польской принцессой, были объединены и образовано единое государство». «Чачжээрлунь» — так китаец именует литовского великого князя Ягайло, в 1385 году заключившего династический брак с польской королевой Ядвигой, положивший начало польско-литовскому королевству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.